

Не дай бог — как все ^{с. 5}

Веч. Москва — 2000. — 18 мая

НОВЫЕ РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Кондовый реализм художника Жерноклюева

Художник Жерноклюев напоминает Одиссея: тот же легкий пофигизм, переходящий в пацифизм и ироничность. Он олицетворяет собой процесс исхода б. советских художников из родных мест в Москву. И (далее) из столицы за пределы б. советской родины. Причем — исход художников относительно молодых и потенциально вполне продаваемых. И если москвичи бессмысленность лозунгов «Вперед, на Берлин!», кажется, осознали, то их коллеги из «немосковии» уверены: «там» мы нужны больше, чем здесь. И самое неприятное для отечества — ведь убедят в этом иностранцев. Скоро у Жерноклюева — очередная выставка, только москвичи ее не увидят. Русская «Галерея-Икс» — это в Голландии. В Москве А.Ж., как самый настоящий обиженный мэтр, решил больше не выставляться. Но Жерноклюева в Москве любят, хотя он пишет «красиво», а любить «красивую» живопись нас отучили. В отличие от остальных «красавцев» он пишет нервами. И это задевает. Даже концептуальные соавторы Савадов и Сенченко недавно высказались: «Сегодня только абсолютно салонные художники обладают абсолютным просветлением». Их правда.

Дарья АКИМОВА

- Саш, сколько тебе лет?
- Ничего такого страшного — двадцать девять.
- Семейное положение?
- Женат, у меня второй брак.
- Ты индивидуалист?
- Да. Потому и живопись в конце концов выбрал. Спортом

занимался, от легкой атлетики до карате. Музыкой. Но все эти «коллективные демонстрации» меня так доставали, что я не выдерживал. Я, конечно, всегда знал, «как надо». Но это каждый знает. Поэтому все бросал...

— Ты бросал или тебя выгоняли?

— Нет, меня всегда отлавливали и держали. А здесь (то есть в живописи — Д. А.), когда я делаю работы, — никто надо мной не стоит.

— Тебя не корят за «красивость»?

— Еще как! Говорят: да, ничего, но как-то слишком... Иногда хочется сделать гадость. Подходишь к холсту и начинаешь мазать. Но пройдет несколько дней — соскочишь. Я все понимаю: слишком затерто, но рука сама тянется «делать красивенько». Конечно, то, что делаю я, — это тупой такой, кондовый реализм, и думать нечего. Но постепенно работы меняются. Мне бы еще лет пять—десять — и я буду более-менее нормальный художник.

— Ты не похож на «завоевателя столицы»...

— Я, конечно, приехал Москву «завоевывать». Но вопрос в том, что завоевывать оказалось нечего. Здесь есть свои деньги, полно чуваков от искусства, но это все. У нас слишком много азиатского в крови, а жить мы хотим по-западному. Там деловые отношения — это деловые отношения, личные — личные. А мы вечно хотим и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Сначала хлопают по плечу, а потом выжимают из тебя все что мож-

Екатерина ЦВЕТКОВА

но. На Западе любая девчонка знает слово «контракт». Мы вечно всем «доверяем». И кидают нас поэтому постоянно. Так что остаться здесь жить и работать — ни в коем случае.

— То есть ты что, домой собрался?

— Я бы хотел. Для жизни Крым очень хорош. Но не для развития: нудно, скучно, никому ничего не нужно. Надо ехать куда-то в какую-то страну, в которой я буду нужен, в которой мне будут платить деньги.

— Чем в Москве на досуге занимаешься?

— Телевизор смотрю. Тупо. Потому что после вот этой штуки (имеется в виду живопись. — Д. А.) мне уже ничего не интересно. Компании? Ну, в компании хорошо напиться. Напился — и упал. Народ отрывается, а я ложусь спать. Все.

— Хорошее качество. Что пьешь?

— Водку, причем немного. Правда, если выпить много, наутро голова болит — очень классное состояние.

— ???

— Работается хорошо. Появляется стимул. То есть «надо»: выздороветь, делом заняться. Правда, часто отрывается здо-

ровье не позволяет. Тусовка — это хорошо, опять же знакомых много, но давнишних друзей у меня только двое. Я общаюсь мало.

— Это ты людей не выдержишь или они тебя?

— Очень мало тех, с кем мне интересно.

— Высокомерная несколько позиция.

— Угу, согласен.

— Тогда давай о большом и чистом. Твоя формула красоты.

— А ее и нет, формулы-то. Бывает красиво — и все. Вот женщины, например. Я же не могу сказать, блондинки или брюнетки, худые или полные мне нравятся — всякие. В живописи то же самое. Есть соцреализм, а есть Веласкес. Или Бэкон — я три дня спать не мог после того, как его работы увидел... Я вообще очень завишу от внешних впечатлений.

— То есть часто психуешь и хлопаешь дверью?

— Замыкаюсь. Если мне что-то не нравится или, наоборот, очень нравится — ухожу в себя.

— Если «очень нравится»?

— Еще больше. Не понравилось — ну сказал себе, что они идиоты и уроды, и утешился.

Когда что-то нравится — руки опускаются. Смотришь на себя и думаешь: сам ты урод уродом. Потом начинается отходняк, и наконец решаешь: ну я тоже ничего — местами.

— Расскажи мне про женщин. Ты вообще избалованный?

— Очень.

— Кем? Мамой?

— О нет, только не мамой, с ней у нас конфликт по жизни. А потом — да, баловали, причем с довольно раннего возраста. Ну любил меня тетки, и все тут.

— Ты один в семье?

— Нет, есть брат старший. Мама как-то его больше любила — я не ревную, но просто я ушел в другую сторону и по жизни был неправильным. Не дай бог — «как все». В общем, в детстве мне всего хватило.

Досье «ВМ»

Жерноклюев Александр Вильевич — художник. Родился 15 января 1961-го в Николаеве. Закончил Симферопольское художественное училище имени Н. С. Самокиша. В сентябре 1999 года переехал в Москву из Феодосии. Работы — в Национальном художественном музее в Киеве, Музее истории и религии в Киево-Печерской лавре, Музее современного русского искусства во Владивостоке, в Российском фонде культуры.

Двор у нас в Николаеве был бандитский, сам город тоже, и родители нас особенно не контролировали. На всю жизнь всего насмотрелся и напробо-вался. Типичный бандитский ребенок. Курил — лет с семи, воровал тоже.

— И ругался матом...

— Обязательно. Сидели на заборе такой бандой, высматривали женщин, набрасывались и раздевали, прямо на улице. Просто чтобы посмотреть, как там все внутри устроено. Потом я как-то оторвался от этой тусовки, классе в шестом. Влюбился в одну девочку...

— У тебя дети есть?

— Может, где-то и есть. Вот скоро один точно будет.

— Бить будешь?

— Нет, хватит. Я в детстве был жутко злым — невысоким, но драчливым: дрался и с тремя, и с пятью, со старшими. А потом появился у нас в классе один парень (его убили недавно: рано или поздно такое происходит, если ты занят «бизнесом»), жутко сильный, и я решил... головой работать.

— В армии служил?

— Три года, флот. Первые два месяца — в Прибалтике, я там спал и ел. Потом в Африке год. У меня сложная была армия. Там ведь так: кто сильнее, тот и выжил. Офицеры грызут мичманов, мичманы грызут матросов... Вот он тупой, но он прослужил на полгода больше, чем ты, и поэтому может сделать с тобой все что хочет. Все время приходилось держать себя в тонусе. Военные — страшные идиоты. Впрочем, иначе армию и не построишь.

— А что делать с Черноморским флотом?

— Не знаю, мне все равно, пусть хоть перестреляют друг друга. Хотят воевать — пожалуйста.

— То есть тебя та же Чечня не ужасает?

— Абсолютно нет. Людям воевать нравится, они свой путь выбрали. Мать хотела, чтобы сын с десяти лет носил автомат — она же ему не запрещала? Она бы и не поняла, если бы он этого автомата в руки не взял... Ну вот его и убили. Случайного не бывает — иначе жить нельзя.

— Так ты готов к неприятностям?

— Неприятность только одна — может что-то случиться с близкими. И еще — все равно придется умереть, думая: блин, я самую главную картину не написал.

А. Жерноклюев. Портрет актера Воронова